УДК 340.115.6 + 340.12

Е. С. Соколова

О ДОПУСТИМЫХ ПРЕДЕЛАХ ЭКСТРАПОЛЯЦИИ ЧАСТНЫХ МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРАВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИНАХ

Рассматриваются дискуссионные аспекты теоретико-методологических проблем историко-правовой науки. Автор приходит к выводу о наличии существенных гносеологических различий между историко-юридическими исследованиями и общеисторической проблематикой: история государства и права — юридическая дисциплина, объектом исследования которой являются не «люди во времени», а правовые и политические системы прошлого. Актуализация нормативного похода к изучению законодательных источников продиктована практическими задачами правоведения, что ставит под вопрос возможность свободного обращения историков-юристов к синтезным методам научного исследования.

Ключевые слова: методология; историко-правовое исследование; нормативно-юридический подход; экстраполяция метода; сословное законодательство; институт сословных прав; юридическая доктрина; законодательная догма; юридический профессионализм.

Проблема адекватности научного знания исторической истине является центральным звеном современного методологического дискурса, оправданно подвергающего сомнению универсальность идеографических процедур описания и систематизации исторических источников. Тем не менее спор о допустимых пределах исторической реконструкции и аксиологическом значении ее результатов имеет более глубокие корни. Его возникновение стало оборотной стороной безоговорочного торжества картезианской модели мышления, сыгравшей решающую роль в обосновании теории общественного прогресса. Сомнение ряда европейских интеллектуалов XVIII столетия в достоверности выводов, полученных на основе синтеза индукционного и дедукционного методов мышления, способствовало критическому осмыслению роли философского рационализма в постижении окружающей действительности. В 1734 г. объектом для нападок со стороны противников картезианства стала историческая наука, исследовательский потенциал которой был, в частности, поставлен под вопрос в творческом наследии К.-П. Кребийона-сына [см.: Кребийон-сын, с. 7—8].

Так и не дав окончательного ответа на вопрос о природе исторического исследования, «французский Петроний» поставил ряд дискуссионных проблем, которые позволяют современному исследователю выйти за рамки романического жанра в стиле рококо и задуматься на основе выведенных в нем образов о степени универсальности частных методов исторического исследования для наук гуманитарно-общественного цикла. Персонаж Кребийона пытается воссоздать мифологическую атмосферу окружения богини Дианы на основе произвольной контекстуализации нарративных стратегий, обнаруженных им

© Соколова Е. С., 2014

в повествовательных источниках греко-римского происхождения. Говоря современным языком, он мало заботится о разграничении различных отраслей «науки о людях», наивно полагая, что во имя поиска истины можно пожертвовать профессиональной корректностью в выборе методологического инструментария. Догматический стиль мышления не позволяет Гнилусу понять смысловые и методологические различия между мифологическим сюжетом, его литературными интерпретациями и социокультурным контекстом, в рамках которого этот сюжет создавался.

В период Просвещения еще не существовало строгих формальных разграничений между общественными науками, а произвольная экстраполяция метода осуществлялась в зависимости от стратегических целей того или иного автора. Современные исследовательские стратегии формируются в принципиально иной ситуации, когда возможные пределы методологического синтеза могут быть заранее ограничены утилитарными потребностями отдельных отраслей научного знания. К сожалению, универсализм исследовательского мышления, свойственный ученым, специализирующимся в общеисторическом жанре, порой способствует непониманию гносеологической специфики ряда историко-юридических дисциплин, лишь частично родственных «чистой» истории по объекту, предмету и методологии исследования.

Яркий пример догматизма в определении допустимых границ методологического синтеза применительно к историко-правовым исследованиям содержится в недавно опубликованной рецензии трех молодых ученых-историков на монографию автора данной статьи, посвященную проблеме формирования института сословных прав в российском законодательстве и официальной политической доктрине середины XVII — первой половины XIX в. Критикуя нормативно-правовой подход к изучению прошлого за чрезмерную юридизацию выводов, неизбежным последствием которых якобы является упрощение ключевых вех исторического процесса, мои уважаемые оппоненты выдвигают в качестве методологической альтернативы прочтения законодательных текстов реконструкцию авторских стратегий [см.: Бугров, Киселев, Соколов, с. 243—244].

Принципиальная новизна здесь отсутствует. Тезис о людях, «творящих свою историю», обязан своим возникновением активизации номотетического, генерирующего метода и последующей концептуализации исторических исследований. Л. Февр когда-то справедливо заметил, что вряд ли возможно отделить «идеи от их создателей», творивших в соответствии с изменчивостью повседневных «...впечатлений, воспоминаний, чтений, бесед» [Февр, с. 19]. Во второй половине XX в. исследовательский интерес к реконструкции мыслей и действий акторов стал возрастать под воздействием развития зарубежной и отечественной семиотики. Заимствованный из лингвистики деконструктивизм постепенно приобрел значение оборотной стороны исторической реконструкции, а последователи московско-тартуской семиотической школы уже стремились к интерпретации текста не через воссоздание мнимых или подлинных намерений его творца, а посредством выявления формальных атрибутов языка, имеющего знаково-символическую природу. Нет никаких

сомнений в том, что исследовательские стратегии, основанные на экстраполяции частных методов лингвистики, выгодно отличаются своей синтетической природой от формально-юридического подхода. Тем не менее проблема допустимых пределов экстраполяции метода все же существует, о чем, в частности, идет речь и в рецензируемой монографии.

Позиция, высказанная моими уважаемыми оппонентами, свидетельствует о том, что вопреки своей приверженности к современным семиотическим стратегиям текстового анализа, они все же далеки от понимания сущности архетипа «образцового читателя», сконструированного в классических работах У. Эко. «Смерть автора», когда авторский текст продолжает свое бытие, независимо от субъективной воли его творца, происходит лишь в том случае, когда «образцовый» (и не очень) читатель подготовлен к восприятию авторской стратегии или хотя бы имеет такое намерение [Эко, с. 5—49]. К сожалению, подобного намерения не было у глубокоуважаемых рецензентов, цель которых изначально заключалась в противопоставлении одного частного метода исследования другому, без учета формальных разграничений между историко-правовой наукой и общеисторической проблематикой. Акцент, сделанный автором монографии на юридическую проблематику, продиктован «законами жанра», назначение которого заключается в обслуживании практических потребностей юриспруденции и разработке теоретико-исторических выводов, позволяющих выявить степень взаимодействия правовых систем прошлого и настоящего.

Любое историко-юридическое исследование имеет строго ограниченные институциональные рамки, выход за которые влечет за собой не создание условий для свободного эксперимента в области экстраполяции метода, а кардинальную смену научной парадигмы. В поле зрения историков права в первую очередь находится уровень развития законодательных институтов, позволяющий говорить о наличии или отсутствии в прошлом функционального механизма правового регулирования наряду с выявлением общего состояния той или иной отрасли права и правовой системы в целом. Данная особенность историко-юридической науки детально разбирается автором рецензируемой монографии во введении и первой главе, которая носит методологический характер и частично посвящена выявлению возможных пределов интеграции историко-правовых дисциплин в гуманитарный цикл [Соколова, 2011, с. 4—73].

Вопрос о методологической специфике историко-правового знания оказался вне поля зрения рецензентов, которые подошли к оценке избранной автором монографии исследовательской стратегии в соответствии с критериями определения научного потенциала исключительно общеисторических работ. Каждый специалист занимается своей сферой деятельности и не всегда может должным образом оценить те методологические проблемы, которые существуют в смежных отраслях науки. Есть они и в науках историко-юридического профиля.

Вопреки утверждению рецензентов, автор монографии отнюдь не является апологетом нормативно-юридического подхода. Увлечение чрезмерной формализацией при работе с законодательными источниками снижает значимость интерпретационных стратегий и может привести к излишнему объективизму

выводов даже в историко-правовом исследовании. Критическая позиция автора по отношению к методологической замкнутости историко-юридических дисциплин, традиционно тяготеющих к позитивизму, достаточно ясно изложена как в рецензируемой монографии, так и в других научных публикациях последних лет [Соколова, 2009]. Тем не менее принадлежность исследователя к корпорации историков-юристов обязывает его учитывать прикладные задачи историко-правовой науки, нередко играющей роль служанки во дворце правосудия. Приверженность историка-юриста к методологическому консерватизму продиктована не только «строгой» юридизацией объекта и предмета научного исследования, но и особой природой права, которое, как правило, основывается на преемственности юридических традиций и отличается медленной адаптацией к новым социокультурным условиям.

Вероятно, это сложно понять исследователям, научные интересы которых находятся в общеисторической плоскости и не зависят от потребностей какой-либо профессиональной группы. Не удивительно, что в их восприятии история государства и права ассоциируется с «февровским» образом Спящей Царевны, уютно устроившейся в неприступном лесном гроте в ожидании поцелуя от прекрасного Королевича. Учитывая столь критический настрой уважаемых рецензентов к историко-правовым исследованиям вообще и по сословной проблематике в частности, вызывает недоумение факт полного игнорирования ими тех разделов монографии, где анализируются методологические проблемы современной историко-правовой науки и намечаются способы хотя бы их частичного преодоления. Постановка вопроса об экстраполяции частных методов ряда гуманитарных и социальных наук в исследованиях, посвященных истории государства и права, уже сама по себе представляет значительную научную новизну, если учесть вполне объяснимую приверженность большинства историков-юристов к позитивистским конструкциям Д. Остина и Г. Кельзена [Соколова, 2011, с. 5—14, 29—73].

Дискуссионным для правоведов является и высказанный автором монографии тезис о необходимости расширения источниковой базы историко-юридических исследований, традиционно ориентированных на выявление статуса того или иного нормативно-правового акта в отрасли права и правовой системе [Там же, с. 29—41]. Эти инновации не претендуют, конечно, на переосмысление позитивной природы историко-юридической науки, которая останется неизменной до тех пор, пока существует прикладное правоведение. Тем не менее в перспективе они все же способны расширить проблематику исследований в области истории государства и права за счет актуализации субъективного фактора, что, однако, не означает возможности отказа от традиционных исследовательских стратегий. Их научная направленность в корне отличается от задач, которые ставят перед собой гражданские историки, фрагментарно обращаясь к истории законодательства для выявления способов политико-правового мышления отдельных персонажей прошлого.

Для историков права, в силу теоретико-практической специфики их научных изысканий, системный, «доктринизирующий» подход к моделированию предмета и объекта исследования все еще сохраняет актуальность. Любая

законотворческая деятельность содержит в себе некоторую долю традиционализма, что хорошо прослеживается даже в законодательстве переломных эпох. Сохранение исторической преемственности в ходе моделирования правового пространства является необходимым условием для существования государства как организации особой суверенной политической власти, направленной на регулирование общезначимых социальных отношений в сложном стратифицированном обществе.

Ни одна правовая система прошлого или настоящего, даже самая примитивная, не создается с «чистого листа», без доктринальных оснований, которые могут носить как религиозный, так и светский характер, а также отличаться фрагментарностью изложения. Не была исключением и Российская империя периода Нового времени с ее достаточно высоким уровнем правотворчества и довольно качественной по критериям того времени разработкой ряда правовых институтов. С позиций юридической герменевтики нельзя согласиться с утверждением моих рецензентов об отсутствии в России XVIII — начала XIX в. официальной модели сословного законодательства [Бугров, Киселев, Соколов, с. 242—243]. Ее основные параметры были заданы соответствующими юридическими нормами Соборного уложения и в основном отличались тенденцией к сохранению традиционализма. В условиях становления имперской государственности при отсутствии политической стабильности верховной власти не приходится, конечно, говорить о разработке всесторонних догматических оснований для юридического обеспечения социальной стратификации.

Если все же рассматривать сословное законодательство дореформенной России Нового времени в историко-правовой плоскости, то становится очевидным наличие некоторой преемственности в разработке институциональных компонентов сословного строя и юридического механизма его функционирования на уровне законодательно закрепленных правоотношений между верховной властью, привилегированными и полупривилегированными сословиями. В данном случае речь идет не о наличии «последовательной и непротиворечивой политической доктрины у государства данного периода», как ошибочно полагают наши уважаемые рецензенты [см.: Там же, с. 242]. Таковой действительно не могло быть как в петровской, так и в послепетровской России, уже хотя бы потому, что время создания тоталитарных идеологий и массовых способов их транслирования тогда еще не наступило. Кроме того, формирование продуманной концепции самодержавия, основанного на формальной законности, было затруднено отсутствием законодательно закрепленных четких юридических дефиниций самодержавного принципа правления.

Проблема заключается в том, что авторы рецензии не принимают во внимание отсутствие тождества между политической доктриной и правовой политикой государства. Последняя всегда отличается тенденцией к последовательности, ибо от этого зависит социально-политический статус верховной власти и степень реализации ее правомочий. Даже там, где положительное законодательство отличается слабой систематизацией и испытывает на себе воздействие частных обстоятельств, все же сохраняется общая тенденция

к юридическому обеспечению социальных отношений. Российский вариант моделирования правоотношений между самодержавием и сословиями основывался на превращении именных указов в основной источник действующего законодательства. Вопреки внешней разрозненности и субъективизму законодательных норм XVIII — первой трети XIX в., в них хорошо прослеживается единство правотворческих принципов и приемов, направленных на институционализацию сословного строя [Соколова, 2011, с. 165—323]. Благодаря этому возникло решающее юридическое основание для проведения систематизации «Законов о состояниях» 1830-х гг. в форме инкорпорации без создания дополнительных нормативных актов конституирующего или разъясняющего характера.

Необходимость разработки подобных юридических конструкций, имеющих доктринальную природу, нивелировалась благодаря тому, что в действующем законодательстве Российской империи и некоторых официальных теоретико-правовых текстах, созданных по инициативе верховной власти, уже были сформулированы юридические принципы сословной стратификации. Их эпистемологическая основа отличалась тенденцией к синтезу традиционных норм Соборного уложения с модернизационными по своей сути моделями института сословных прав и обязанностей, разработка которых не предусматривала, однако, полного уничтожения юридического неравенства. Таким образом, с историко-правовой точки зрения отбор политико-правовых текстов, в которых, на взгляд автора рецензируемой монографии, была высказана официальная точка зрения на юридические аспекты сословной проблематики, представляется вполне обоснованной.

Вопреки мнению рецензентов, «столь разные мыслители, как Феофан Прокопович, Екатерина II и М. М. Сперанский» не только «обращались к одной и той же проблематике» [Бугров, Киселев, Соколов, с. 242]. Они тяготели к одним и тем же методологическим конструкциям естественного права, общественного договора и «законной монархии», заимствованным из произведений Г. Гроция, Т. Гоббса, Ш.-Л. де Монтескье, Д. Локка и других западных приверженцев теории государственного суверенитета. Единство теоретико-методологических приемов, использованных российскими мыслителями при разработке модели сословного законодательства, настолько очевидно и общеизвестно, что не требует дополнительного обоснования применительно к историко-правовому исследованию.

Что же касается утверждения о том, что «трактат Прокоповича был посвящен главным образом проблеме престолонаследия и не преследовал цели создания цельной “доктрины” петровского самодержавия....» [Там же], то оно вообще не выдерживает никакой критики. Вопрос о юридических принципах преемственности верховной власти в условиях монархического правления являлся центральной проблемой всех западноевропейских государствоведческих концепций периода раннего Нового времени, значительная часть которых была неплохо известна и Петру I, и его ближайшему окружению. Интерес к данной проблеме возник еще в период формирования институтов публичного права Римской империи, что в рамках европейского правоведения послужило

основанием для выявления институциональных основ суверенной власти монарха. Значительная часть «Правды воли монаршей» посвящена выявлению историко-правовых корней принципа «единодержавия» и юридической характеристике отношений подданства, основанных, по мнению Феофана, на беспрекословном выполнении обязанностей сословного звания. Постулируя право монарха самому назначать себе наследника, Прокопович, в соответствии с общим методологическим уровнем юридической науки начала XVIII в., рассматривал наличие подобной законодательно закрепленной прерогативы как основной юридический признак самодержавной и неограниченной императорской власти.

Спорным является и высказанное авторами рецензии замечание о неудачном «выборе Сперанского в качестве глашатая “сословной парадигмы”, так как его главный проект “Введение к Уложению государственных законов” так никогда и не был реализован, а сам Сперанский вскоре после его написания был отправлен в ссылку» [Бугров, Киселев, Соколов, с. 243]. Следует отметить, что политико-правовое наследие данного автора не исчерпывается нереализованными проектами, а выявление теоретических аспектов сословного законодательства является сквозной темой всех его работ, посвященных проблеме законности. В отличие от общеизвестной «Записки» Карамзина, которая была составлена в частном порядке, теоретико-правовые работы Сперанского приобрели в николаевскую эпоху официальный статус в качестве пособия по законоведению (в том числе и сословному), предназначенного для великого князя Александра Николаевича. Кроме того, взгляды Карамзина на сословную специфику дворянского статуса не отличаются высокой степенью юридической проработки. Прежде всего они отражают потребность интеллектуальной дворянской элиты в самоидентификации и по этой причине не представляют самостоятельного значения для изучения теоретической основы института сословных прав в действующем законодательстве Российской империи.

Анализируя общие итоги российского сословного правотворчества, достигнутые к началу эпохи «Великих реформ», автор монографии выявляет основные этапы формирования институтов сословного законодательства, закрепленных в Своде законов. Речь в данном случае идет о складывании уже не доктринальных, а догматических оснований правотворчества верховной власти в области конституирования принципов социальной стратификации, что достаточно ясно отмечено в заключительном разделе рецензируемой монографии [Соколова, 2011, с. 333—334]. Остается неясной причина, по которой уважаемые рецензенты, не чуждые (судя по кругу их научных интересов) представлению о механизме правового регулирования, произвольно оценили институциональную по своей сути периодизацию как выявление «трех этапов становления сословной концепции “законной монархии”» [Бугров, Киселев, Соколов, с. 242].

Следует отметить, что ни один историк-юрист не станет рассматривать систему законодательства как некий реально существующий универсум, отражающий действительную расстановку социально-политических сил. Ав-

тор монографии, наоборот, подчеркивает идеальный характер любого правового института и законодательной конструкции, изучение которых дает возможность лишь для воссоздания формально закрепленного механизма правового регулирования и его доктринальных оснований [Соколова, 2011, с. 12—14]. Относительно упорядоченный характер законотворчества представляется проблематичным только для ранних периодов формирования государства и права, когда обычай в значительной степени преобладал над законодательной деятельностью субъектов государственной власти. Раннее Новое время отличается в этом отношении тенденцией к постепенному сближению юридической науки и законотворческой практики, начало которому было положено активным изучением римского частного права в европейских университетах. Выявление исторической основы данного явления представляет собой центральный объект теоретико-прикладного аспекта историко-правовых исследований. Осуществление исторической реконструкции механизма правового регулирования тех или иных правоотношений, возникающих между субъектами права в ходе развития социальных практик, позволяет также определить степень соответствия исторически сложившейся отрасли права реальному соотношению сил в обществе и государстве.

Обращение к правоприменительной практике интересует историков права прежде всего в контексте выявления юридических пробелов процессуального законодательства, степени профессиональной культуры и общеюридической подготовки судейского корпуса. Эти вопросы составляют самостоятельный предмет историко-юридического исследования, а их решение на материалах сословных судов дореформенного периода не входило в задачу автора рецензируемой монографии. Таким образом, утверждение моих уважаемых оппонентов о том, что в рецензируемой ими монографии «Россия Нового времени предстает как формально упорядоченный универсум» выглядит крайне некорректным с историко-правовой точки зрения [см. об этом: Бугров, Киселев, Соколов, с. 243]. Правовое строительство подчинено определенным социально-политическим и социокультурным целям уже в силу регулятивной природы права, ценностное значение которого со времен Античности измеряется в соответствии с его способностью поддержать равновесие интересов между властью и различными слоями общества. Объектом исследования в историко-правовой науке является не страна, нация, государство или населяющие его люди в пространственно-темпоральном измерении, а политические и правовые системы прошлого в их нормативно-институциональной проекции. Право, в силу своей идеальной природы, всегда содержит элемент мифологизации и нередко функционирует вне зависимости от субъективной воли моделирующих его акторов.

Тенденция к «изначальной заданности» исторического процесса является, по мнению моих рецензентов, наиболее убедительным аргументом в пользу сделанного ими вывода о принципиальной неверифицируемости результатов любого историко-правового исследования в области сословного законодательства. Однако подобный упрек, адресованный автору юридической работы, не может играть конструктивной роли в дискуссии о познавательных пределах

частных историко-юридических методов исследования. Подобные методы имеют прежде всего узкопрофессиональную направленность, что не позволяет проецировать их на общеисторическую проблематику, ни в коей мере не присутствующую в монографии.

В целом это, конечно, простительно для ученых, не искушенных в юриспруденции и специализирующихся на отдельных компонентах истории политических и правовых учений, причем в социокультурном ракурсе. Тем не менее, учитывая их последовательный интерес к исследовательским программам по дворянской проблематике в контексте «истории понятий» и теории политических элит, нас не может не насторожить весьма поверхностный подход к изучению понятийного аппарата правоведения, берущего начало еще с традиций государственно-юридической школы. В частности, это касается представления о смысловом значении понятия «законодатель», которое вполне обоснованно квалифицируется авторами рецензии как «важная часть юридического научного инструментария» [Бугров, Киселев, Соколов, с. 242—243]. Персонифицируя «законодателя» как некоего мифического актора, обладающего «исключительным рационализмом», планирующего процесс законотворчества и стремящегося «к определенной цели — закреплению правового статуса отдельных слоев населения Российской империи» [Бугров, Киселев, Соколов, с. 243], авторы лишь обнаруживают поверхностное знание понятийно-терминологического аппарата современной теории права и государства.

В историко-юридических исследованиях понятие «законодатель», как правило, синонимично понятию «суверен» и обозначает носителя верховной суверенной власти, обладающего правомочием утверждать законы и обеспечивать реализацию правоохранительной функции государства. По сравнению с абстрактными историко-социологическими конструкциями, трансформирующими, по словам рецензентов, государственную власть «в некую коллективную сущность» [Там же, с. 243], теоретико-юридические представления о государстве отличаются формальной определенностью. Ее отсутствие в методологическом арсенале «чистых историков», тяготеющих по своим научным интересам к правоведческой тематике, может привести к неоправданному субъективизму научных выводов.

Профессиональный юрист, работающий в рамках той или иной правовой системы, понимает под «государством» прежде всего особую организацию публичной власти и управления с целью реализации властных полномочий. Несмотря на социальную направленность правотворческой деятельности государственных органов, полномочных принимать и отменять законы, их функционирование осуществляется на основе сочетания правовых методов и силы принуждения. В этом отношении государственная власть всегда сохраняет некоторую долю независимости от общества. Основное правомочие ее носителей заключается в том, чтобы потребовать от каждого субъекта совершения или, наоборот, отказа от известных действий, обеспеченных юридической санкцией, не всегда соответствующей уровню правосознания большинства населения. Кроме того, политическая стабильность государства основывается на преемственном характере его правотворческой деятельнос-

ти, которая, разумеется, не всегда отличается абсолютной последовательностью и непрерывностью.

Задача историка права заключается в том, чтобы установить степень преемственности официального правотворчества. Это влечет за собой преимущественный интерес к изучению временных структур «большой длительности», несмотря на методологическую спорность подобных генерализаций с позиций новейшей исторической науки. Подобно своим коллегам из корпорации «чистых историков», историк права далек от повторения неуклюжих попыток раблезианского брата Жана подтолкнуть корабль истории и навязать его гибнущим пассажирам современные способы самоидентификации. Он лишь вступает в диалог с прошлым, используя в случае необходимости герменевтический метод интерпретации правовых и политических текстов наряду с профессиональными юридическими процедурами толкования правовых норм. Напомню, что классическая методология «Анналов» первоначально формировалась на основе концептуализации выводов, полученных в результате изучения солидных по своей протяженности отрезков исторического времени и изначально не предполагала возможности самостоятельного существования микроисторических сюжетов, интеллектуальной истории и «истории в осколках».

Помимо попытки обсуждения серьезных методологических проблем, решение которых необходимо для выявления гносеологической специфики и прикладного значения историко-правовой науки, мои рецензенты высказали ряд замечаний, юридический профессионализм которых вызывает некоторые сомнения. В частности, просветительская модель «законной монархии», бытовавшая в официальном правосознании большинства российских субъектов суверенной власти на протяжении XVIII — начала XIX в., вовсе не предусматривала возможности произвольного жонглирования нормативно-правовыми актами со стороны власти предержащей. Авторы напрасно пытаются найти в рецензируемой ими монографии следы подобного утверждения. В условиях самодержавия речь шла прежде всего о преимущественном праве монарха-суверена на законодательную инициативу, способствующую укреплению политической системы Российской империи. Присвоенная Петром I прерогатива самостоятельно определять законодательную стратегию верховной власти, персонифицированной в его лице, не означала с юридической точки зрения возможности произвольной перемены догматической составляющей официального правотворчества. Это, в частности, хорошо прослеживается на примере ряда нормативно-правовых актов первой четверти XVIII в., закрепляющих правовое положение всех категорий служилого дворянства [см.: Соколова, 2011, с. 165—268].

Кроме того, внешняя институциональная новизна большинства именных указов петровского периода лишь до некоторой степени отличалась модернизационной направленностью, в целом сохраняя традиционную основу. Некоторые юридические гарантии против внесения произвольных изменений в действующие нормы права содержались и в комплексе именных указов 1715—1724 гг. Наряду с этим происходила актуализация формально-юридического значения официальной концепции «общего блага», основные положения

которой включались в преамбулу каждого нового сепаратного указа, закрепляющего перемены институционального характера в государственно-правовой системе петровской России. Не следует игнорировать и официальную тенденцию XVIII столетия к постепенному изменению смысловых оттенков применительно к понятию «законность» на основе актуализации теоретико-юридических критериев усовершенствования действующего законодательства.

С этими выводами, конечно, можно спорить, так как существует точка зрения, согласно которой деспотический характер российского самодержавия получил наиболее полное отражение в слабо урегулированной правотворческой практике. Вопрос заключается в другом. Концептуальное осмысление российского варианта принципа законности, предложенное в рецензируемой монографии, коренным образом отличается от его упрощенной трактовки, намеренно или случайно допущенной оппонентами. В своих историко-правовых оценках автор далек от приписанного ему в рецензии тезиса, согласно которому в рамках «законной монархии» «закон играет роль инструмента управления в руках монарха-демиурга, который ничем не ограничен в его использовании» [ср.: Бугров, Киселев, Соколов, с. 241; Соколова, 2011, с. 84—123].

Не присутствует в монографии и трактовка «законной монархии» как «законченной политико-правовой формы» абсолютизма [Бугров, Киселев, Соколов, с. 241]. С историко-юридической точки зрения подобная дефиниция, авторство которой целиком принадлежит рецензентам, носит весьма спорный характер в силу его несоответствия понятийному аппарату правоведения. Классификация государственных форм осуществляется юристами прежде всего по принципу выявления субъекта, наделенного властными полномочиями суверена. «Законная монархия» может рассматриваться лишь как политический режим, нацеленный на разработку и реализацию правовых форм управления государством и обществом. Следует заметить, что разработка юридических признаков законности применительно к монархической форме государства принадлежит не ученым XX—XXI вв., а французскому юристу и теоретику государственного права Ж. Бодену — основоположнику концепции государственного суверенитета. Глубокие теоретико-правовые корни имеет и историко-политическая конструкция абсолютизма, возникновение которой авторы рецензии ошибочно приписывают советской историографии. Начиная с конца XVI в. понятие «абсолютизм» активно использовалось западными теоретиками государственно-правового рационализма с целью обоснования независимости королевской власти от папского понтификата, Священной Римской империи и сословных корпораций.

Помимо этого обстоятельства, сыгравшего значительную роль в развитии правосознания российских законодателей XVIII — начала XIX в., приверженность автора монографии к понятию «абсолютизм» продиктовано и отсутствием вразумительного терминологического разграничения между представлением о правовой сущности абсолютной монархии и спецификой российского самодержавия в новейшей исторической науке. В данном случае смешение терминов без выявления видовых признаков абсолютизма и самодержавной власти представляется весьма спорным с методологической точки зрения, так

как дает возможность для априорных выводов о тождественности самодержавия XVI—XVII вв. его имперским аналогам. Методологическая позиция автора по этому вопросу подробно изложена на страницах рецензируемой монографии [см.: Соколова, 2011, с. 71—72].

С историко-правовой точки зрения недостаточно обоснованной выглядит и последовательная приверженность моих уважаемых оппонентов к абсолютизации теории элит применительно к изучению законодательной догмы. Декларированный ими тезис о необходимости интепретировать «политические, правовые и иные тексты не как манифестации некоей коллективной сущности (государства, дворянства и т. д.)», а как результат действий «определенных акторов» [Бугров, Киселев, Соколов, с. 243] не соответствует теоретико-методологической природе правоведческих стратегий. В профессиональном сознании юристов нормотворческая деятельность всегда носит публичный характер, иными словами, аккумулирует в себе право на принуждение, которой наделен суверен как носитель верховной власти. Таким образом, для историка-юриста основополагающее значение имеет вопрос о том, кто и по каким причинам санкционировал тот или иной нормативно-правовой акт, придав ему официальный статус и общеобязательность.

Влияние частных мнений на процесс создания законов представляет интерес прежде всего для изучения эволюции правосознания отдельных слоев общества и, как отмечается в монографии, представляет собой отдельный объект историко-правового исследования. Следует отметить, что приверженность моих уважаемых оппонентов к исследовательской модели «истории в лицах» вполне соответствует новейшей методологической парадигме исторической науки, но таит в себе опасность догматизма при ее некритическом использовании применительно к толкованию официальных юридических текстов прошлого. Теория элит создавалась под воздействием романо-германских и англосаксонских государственно-правовых реалий, сформированных в качественно иных по сравнению с Россией Нового времени историко-правовых условиях.

Российское государство отличалось от европейских монархий, и тем более от США, тенденцией к весьма рыхлой и дробной социальной стратификации, которая длительное время оставалась важнейшим объектом правового регулирования при наличии законодательного закрепления принципа сословного неравенства. Данное обстоятельство в значительной степени препятствовало формированию в России гражданского общества, функционирующего в соответствии с общеевропейскими аналогами на основе единых ценностных установок политико-правового характера. В известной мере это ставит под вопрос утверждение о существовании в Российской империи XVIII в. политических элит, полностью независимых от интересов верховной власти и не связанных корпоративными интересами с претендентами на престол. Даже если допустить обратное, это ничего не меняет в методологической позиции авторов рецензии, которая в целом построена на априорном утверждении о наличии явного приоритета дворянского конституционализма над публично-правовыми конструкциями «законной монархии» и сословного строя. В итоге самим

рецензентам не удалось в полной мере избежать «чрезмерной заданности исторического процесса», в которой они упрекают историков-юристов. Выдвинутая ими научная аргументация касается ряда частных сюжетов общеисторической проблематики и свидетельствует о тенденции к догматическому возрождению классической для советской историографии концепции «дворянской империи», но, разумеется, на качественно ином уровне.

Подводя итоги, отмечу, что рецензируемая работа адресована прежде всего юристам и историкам права, а ее исследовательская парадигма моделируется в расчете на читателя-правоведа. Можно, конечно, до бесконечности критиковать историко-правовую науку за консерватизм научных подходов, но эта критика неконструктивна, так как ничего не меняет в гносеологической природе юриспруденции. Царевна спит, и вряд ли сон ее будет нарушен в угоду произвольной экстраполяции метода вопреки усилиям трех богатырей, слегка заблудившихся на прогулке в труднопроходимых дебрях методологического леса. Любая дискуссия о возможных уровнях моделирования синтезных стратегий в смежных отраслях исторического знания имеет строго очерченные профессиональные рамки. Непонимание этого ставит исследователя в весьма двусмысленное положение, так как он рискует уподобиться еще одному персонажу Кребийона-сына, который два месяца изучал итальянский язык «под руководством своего друга, француза, прожившего некогда в Риме шесть недель» [Кребийон-сын, с. 9].

В заключение автор выражает благодарность своим молодым коллегам за проявленный ими интерес к проблемам истории права и надеется на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Бугров К. Д., Киселев М. А., Соколов С. В. Нормативно-юридический подход к изучению дворянского сословия в России середины XVII — 1-й половины XIX в. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2, Гуманитар. науки. 2013. № 2(114). С. 240—244. Рец. на кн.: *Соколова Е. С.* Институт сословных прав в официальной политической доктрине и законодательстве России середины XVII — первой половины XIX века (дворянство, купечество, духовенство) / Е. С. Соколова. — Екатеринбург, 2011. 344 с. [Bugrov K. D., Kiselev M. A., Sokolov S. V. Normativno-yuridicheskij podkhod k izucheniyu dvoryanskogo sosloviya v Rossii serediny XVII — 1-j poloviny XIX v. // Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 2, Gumanitar. nauki. 2013. N 2(114). S. 240—244. Rets. na kn.: Sokolova, E. S. Institut soslovnykh prav v ofitsial'noj politicheskoj doktrine i zakonodatel'stve Rossii serediny XVII — pervoj poloviny XIX veka (dvoryanstvo, kupechestvo, dukhovenstvo) / E. S. Sokolova. — Ekaterinburg, 2011. 344 s.]

Кребийон-сын. Шумовка, или Танзай и Неадарне. Японская история. — Софа : нравоучительная сказка / отв. ред. А. Д. Михайлов. М., 2006. 367 с. [Krebijon-syn. Shumovka, ili Tanzaj i Neadarne. Yaponskaya istoriya. — Sofa : nravouchitel'naya skazka / otv. red. A. D. Mikhajlov. M., 2006. 367 s.]

Соколова Е. С. Институт сословных прав в официальной политической доктрине и законодательстве России середины XVII — первой половины XIX века (дворянство, духовенство, купечество). Екатеринбург, 2011. 344 с. [Sokolova E. S. Institut soslovnykh prav v ofitsial'noj politicheskoj doktrine i zakonodatel'stve Rossii serediny XVII — pervoj poloviny XIX veka (dvoryanstvo, dukhovenstvo, kupechestvo). Ekaterinburg, 2011. 344 s.]

Соколова Е. С. Историко-правовая наука как способ реконструкции прошлого: проблемы и перспективы // Рос. юрид. журн. 2009. № 5 [65]. С. 48 — 56. [Sokolova E. S. Istoriko-pravovaya nauka kak sposob rekonstruktsii proshlogo: problemy i perspektivy // Ros. yurid. zhurn. 2009. N 5 [65]. S. 48 — 56.]

Февр Л. Суд совести истории и историка // Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 10—23. [Fevr L. Sud sovesti istorii i istorika // Fevr L. Boi za istoriyu. M., 1991. S. 10—23.]

Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах / пер. А. Глебовской. СПб., 2007. 288 с. [Eko U. SHest' progulok v literaturnykh lesakh / per. A. Glebovskoj. SPb., 2007. 288 s.]

Статья поступила в редакцию 24.09.2013 г.

УДК 651:001.4 + 930.25:001.4 **В. А. Бондарь**

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ ТЕРМИНОВ В СФЕРЕ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ И АРХИВОВЕДЕНИЯ В РФ

Рассматриваются проблемы классификации терминов в области делопроизводства и архивного дела, а также некоторых смежных сфер деятельности. На основании изучения нормативно-методических актов и специализированных работ выявлены и проанализированы классификационные схемы для терминов сферы управления документами. С целью нормализации терминосистемы в рассматриваемой сфере предлагается переработанный вариант классификации терминов, рассматривается перспектива развития данной системы терминов.

Ключевые слова: терминосистема; классификация; управление документами; архивное дело; делопроизводство.

Управление и документирование управленческих решений неразрывно связаны между собой и нуждаются в разработке общего языка, роль которого выполняет терминологический аппарат. Термины многофункциональны: они выступают средством познания природы документов и концепций по их эффективному использованию, т. е. обладают не только теоретическим, но и практическим потенциалом, непосредственно влияя на совершенствование управленческих процессов. Одновременно в этом столкновении теоретических изысканий и реальных практик формируются различные подходы к пониманию смыслов терминов, их толкованию. Разночтения в трактовках часто становятся серьезным препятствием для совершенствования как научного знания, так и практической деятельности, если терминологическая сфера не становится объектом нормализации, т. е. целенаправленного преобразования ее в непротиворечивую систему.

Стремление к четким трактовкам, приведению терминов в систему наиболее важно для практической деятельности, так как обеспечивает однозначное понимание процессов управления документами и облегчает профессиональную коммуникацию. Не менее важна нормализация для научных и учебных целей.

© Бондарь В. А., 2014